

Техника как феномен действительности человеческого бытия

© Т.В. Торубарова, А.П. Петенин

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

В статье рассматривается феномен техники как конститутивный принцип действительности человеческого бытия. Осмысливаются его ключевые детерминанты. Проясняется топология техники, задается и артикулируется проблемное поле феномена «техническая рациональность». Показываются деструктивная и конструктивная стороны процесса взаимоотношений человек — техника.

Ключевые слова: техника, техносфера, инструментальность, артефакт, рациональность, ответственность, механизм, этика, гармония, творчество.

Философия техники — это область философского исследования, делающая объектом рефлексии особую реальность человеческого бытия, коей является техника. Специфика осмысления данного феномена меняет вектор устойчивой схемы дискурсивного рассуждения в его смысловой направленности на объект, в попытке задать и эксплицировать внутреннее поле самоопределения данного объекта. Но задача усложняется тем, что в попытке заглянуть и освоиться внутри данного феномена мы неизбежно обращаемся к самим себе, к тому, что образует действительность нашего бытия и определяет самого человека в его фундаментальной сущности. То есть философское исследование в сфере прояснения того, что такое техника, оказывается всякий раз шагом на пути понимания сущности человека и мира человеческого существования. Речь идет о создании такой искусственной реальности, в основе которой лежит изменение отношения, подхода человека к миру и к самому себе. Начало этого изменения усматривают в античности, в аристотелевском различии между сущим, существующим по своей собственной природе (*τα φύσει όντα*), и тем, что производится человеческим умением (*τεχνητε*). «Из существующих [предметов], — пишет Аристотель, — одни существуют по природе, другие — в силу иных причин. ... То же относится и ко всякому другому изготовленному [предмету]: ведь ни один из них не имеет в самом себе начала его изготовления, но это начало находится либо в другом и вовне (например, у дома и всякого другого творения рук человеческих), либо же в них, но не в самих по себе...» [1, с. 82–83]. Однако греческий термин *τεχνη* не характеризует технику как практическую деятельность или ограниченную ремесленную искусность. В течение

длительного времени *τεχνη* было наименованием всякого узнавания; оно призвано также придавать зримость существу как таковому. *Τεχνη* подразумевает все как изготовление в самом широком смысле и направляющее его «познавание». Такого рода умение, характеризующее сущность античного понятия «тэхнэ», никоим образом не предполагало практическое, действенное отношение ко всему существу. Оно также не есть искусство преобразования человеком реальности, мира как такового и самого себя. Утверждение данного поворота в сфере фундаментальной мысли связано с формированием метафизической позиции классической новоевропейской философии, развертывающейся в горизонте утверждения антропоцентризма. Такого рода мировоззренческий горизонт, формирующийся в эпоху Возрождения, конституирует человека и закрепляет за ним статус первичной реальности и творца всего сущего. Но если деятельность ренессансного человека несет на себе магический ареол все еще целостной Вселенной, то уже в Новое время недифференцируемый континуум сознания сменяется аналитической картиной мира, где методический рационализм в его действенной, технической направленности становится ключевым подходом человека ко всему существу. Отныне он призван осуществлять свое назначение в мире с позиции практического, действенного отношения, в основе которого лежит инструментальная, экспериментальная преобразующая активность, редуцирующая реальность мира в действительность артефактов, результирующая могущество и власть человека над сущим как таковым. Основными условиями жизни человека становятся так или иначе понимаемые инструментальность, полезность, эффективность, ориентированные на фундаментальное изменение не только окружающей реальности, но и человеческого бытия. Сама техника есть *instrumentum*. В основе отношения человека к чему бы то ни было лежит элемент *τεχνη*, из которого развертывается и которым регулируется теперь действительность человеческого бытия. Техническая составляющая определяет и фундирует самое существование человека в качестве основной детерминанты.

Вот почему необходимо осмыслить наше отношение к тому, что есть техника и как она есть. В этой связи обратимся к рассуждению М. Хайдеггера, утверждающего, что «...сущность техники вовсе не есть что-то техническое. Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем. В самом злом плену у техники, однако, мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас со-

вершенно слепыми к ее существу» [2, с. 221]. Важно понять существо техники не как внешней искусственной среды в качестве существующих артефактов, но осмыслить суть техники как метафизического элемента бытия человека, его действительного существования. Понять феномен техники, становящийся не только реальной силой, но и мощным средством самоутверждения человеческого бытия, и отвоевавший ныне самостоятельные позиции в мире, невозможно вне осмысления того, что может быть названо топологией техники [3, с. 68].

Речь идет не столько о некоторых пространственных локусах, сколько о топологии смыслов, которые фундируют и делают возможным сам феномен, получивший наименование «техника». Сложность анализа продиктована прежде всего тем, что техника не является объектом природы, но уже не принадлежит пространству субъектно-объектной детерминации в современном мире, а превращается в самостоятельную сферу, с присущей ей внутренней логикой развития. Сфера технореальности определяет уже и собственное человеческое бытие в качестве действующей силы. Инструментальный подход пронизывает и обуславливает антропосоционатурный комплекс того, что мы называем сегодня миром. Эффект искусственности, сделанности органично входит в структуру человеческих связей и отношений, формируя среду артефактов. Артефакты как нечто искусственно изготовленное, воспроизводимые конструкты конституируют действительность, называемую миром человеческого существования. В плане продуцируемости как результата некоторого активного приложения мы имеем дело с материальными и идеальными артефактами. Материальные артефакты выступают средствами преобразовательной деятельности и несут информацию, необходимую для создания других артефактов [4, с. 37]. Идеальные артефакты как результат деятельности сознания накапливают в себе некие кумулятивные смыслы. Этот аспект получает особое значение и актуальность ныне.

Понятие действительности как сферы артефактов является базисной компонентой феномена техники, имеющей, как мы уже отметили, внутреннюю логику развития и становящейся, по сути, самостоятельной силой и средой обитания человека. Позитивное начало этого процесса обусловило небывалый научно-технический прогресс современного общества, связанный с компьютерной или информационной революцией, с применением инновационных разработок, нанотехнологий. Тем самым внутренняя логика некоторого имманентного движения техносферы требует и приводит к актуализации не только действительного и возможного. Нарастивание сферы артефактов ведет к негации реальности мира, так называемой естественной среды, продуцируя новые мировые порядки, точнее сказать, виртуальные миры, которые становятся адаптивным местом жизни человека.

Человек конструирует мир как таковой в перспективе действительных проекций и получает возможность конструировать самого себя. Но не всегда результаты такого процесса являются для нас очевидными. К чему это ведет? Прежде всего, к изменению сущности человека, забывающего о специфике своей собственной человеческой природы, обусловленной феноменом человеческого как такового. Это проблема, которую так блестяще осознал и раскрывал И. Кант в своем труде «Критика чистого разума», призывая человеческий разум к вменяемости, ответственности, пониманию возможностей своей природы, определяемых человеческой познавательной способностью. И ныне этот пафос звучит с новой силой в действительности, в коей человек оказывается придвинут к последним границам своего собственного существования. Проблемой становится не только человек, но и мир как место пребывания человека, как «родной дом человеческого бытия» [5, с. 61–80]. Господство человека над природой, достигаемое им с помощью науки и техники, создаст пространство магического самоутверждения человеческого бытия как распорядителя смыслов всего сущего. Овладение с помощью техники природным порядком всего сущего требует, как говорил Ф. Бэкон, овладения предметом через познание его собственной логики существования [6, с. 82]. Сейчас бы мы сказали об овладении природными энергиями с целью подчинения и утверждения власти и могущества человека. Власть над природой, достигаемая с помощью техники, движимая со времен основателя науки Нового времени силой и духом завоевания и овладением в своей практической направленности, ныне ведет к деятельному преобразованию уже в планетарном масштабе изначальных форм мирового целого. Подобная по истине хищническая ориентированность в своей антропоцентрической перспективе превращает земной порядок не столько в ноосферу, сколько подчас (в самых ключевых аспектах) в «озоновую дыру», ставя человека на грань выживания. Человек оказывается в ситуации, которую он, по сути, и создал, движимый волей к власти и могуществом над всем сущим, подчиняя и радикально преобразуя мировой порядок. Эта ситуация приобретает самостоятельную логику, оказываясь средой, которую человек не в состоянии полностью контролировать в ее разрушающем действии. Поистине планетарный, глобальный масштаб проблемы требует от нас пересмотра сущности отношений «человек — техника», т. е. отношений человека и так называемой техносферы. Об исходных составляющих, определяющих логику такого рода процесса, трактуемого в мировоззренческом эквиваленте как механицизм, пишет А.Г. Погоняйло в книге «Философия заводной игрушки, или Апология механицизма»: «...философия механицизма с самого начала, задолго до Канта, зарождается как критическое

исследование возможностей разума, т. е. как парадоксальная попытка взглянуть со стороны на само сознание, определяя сущность той или иной вещи не напрямую, а «в обход», косвенным образом, с помощью обнаружения и описания условий, в которых вещь проявляется и ведет себя более или менее одинаково. Такой функционально-механистический способ описания предполагает редукцию описываемой вещи или явления к механизму или «сделанной идее». Естественно, что тот, кто осуществляет такую редукцию, — «механик», заселяющий мир сделанными идеями, — сам непременно из этого мира удаляется. Однако мир, представший как механизм или представленный механизмом, беспомощен и зависим, ему нужны подпорки, чтобы сохранить себя, т. е. ему нужен тот, кто его себе представляет, — зритель, механик, кто угодно.

Не стоит при этом упускать из виду, что наш механик действует не по своей прихоти. Опознаваемый им механизм явления не выдумка: дело в том, что в определенных обстоятельствах вещь действительно ведет себя так, а не иначе, и только поэтому механик может вывести правило ее поведения и воспроизвести. Но именно потому, что она сама ведет себя так, а не иначе, можно говорить о самопредставлении вещей познающему субъекту в их структурно-функциональном обличье. Тем не менее всякий хороший механик знает, что его механизмы-идеи не очень прочно стоят на ногах, потому-то он их оберегает от дурных влияний и временами чистит и переналаживает. При этом он сознает частичность собственных дел и отдает себе отчет в том, что окончательно и в совершенстве знает устройство мира только его Творец (это постоянный мотив философии от Ф. Бэкона и Декарта до Дж. Вико и И. Канта). Старание устроить жизнь на разумных и прочно выверенных основаниях, на которых работает хорошо отлаженное устройство, неизбежно приводит к тому, что внимание сосредоточивается на взаимоотношениях устройства и устроителя» [7, с. 36–37].

Логика взаимоотношений устройства и устроителя такова, что устроитель уже не может быть нейтрален по отношению к созданным им устройствам, а техносфера отнюдь не является беспомощным средством, а представляет собой практически самодостаточную действительность человеческого бытия, имеющую самостоятельную внутреннюю логику развития, где уже не только человек определяет правила действия, но и сама техносфера задает алгоритм действия человеку. И с этим нельзя не считаться.

Вот почему особую значимость и остроту приобретает осознание специфики человеческого бытия, ключевой детерминантой которого становится техническая составляющая. В этом процессе можно отследить стороны, воплощающие сложную диалектику. Так, с одной стороны, человек, создавая техническую среду, не является нейтральным

субъектом, но, воздействуя на вещи, имплицитно в артефактах собственно человеческое содержание (творчество, ценностные ориентации и т. п.), в результате чего искусственная сфера не является пассивным фактором преломления и отражения человеческой активности, оказывает воздействие на человека, изменяя не только условия его существования, но и человеческое сознание, ведет к трансформации самой сущности человека. Превращаясь в самостоятельную силу, техника требует уже адекватного ей и ею же «созданного» субъекта — «киборга», робота и т. п. Под вопрос ставится существование человека как биологического вида, т. е. человека, способного к самосохранению. Техника становится не только адаптивным местом присутствия человека в мире, создающим комфортные условия существования, но и местом отчуждения человека от своей собственной сущности. Он в своем бытии оказывается детерминирован логикой развития техносферы, все более демонстрирующей свою самостоятельность. Вот почему важно в данном контексте проблематизации человеческого бытия апеллировать, прежде всего, к феномену личностной ответственности, вмняемости субъекта технического действия. Важно сохранить и обеспечить сферу артефактов как контролируемую среду, изменить саму суть отношений «человек — техника». В основе многообразия связей такого рода отношений должны быть не столько власть, господство, сила, потребление, ведущие к разрушению, сколько созидательное начало, в основе которого лежит осмысленное, этически регулируемое поведение. Человек есть демиург, а не придаток или сфабрикованная «модель» мира техники. Важно сохранить баланс между человеком и техникой как средой, символизирующей и запечатлевающей сущность демиургического, созидательного, творческого начала человеческого бытия. Техника — неотъемлемая часть жизни современного человека, без которой его просто нет. Речь идет не просто о вещественных субстратах, так называемом теле техники, которая сама по себе еще не может быть названа техникой в собственном смысле этого слова, но об идеальной составляющей этого процесса. Имплицитность идеальной компоненты, технологии, конституирует технический статус продукта. Поэтому проблема заключается в характере функционирования этого сложного образования техносферы.

Целерациональный способ деятельности человека, насаждающий всюду технократизм как таковой, должен уступить место духовно-нравственным регулятивам, ведущим к оптимизации процесса. Через технику и благодаря ей должно осуществляться не отчуждение человека от своей собственной сущности, ведущей к его перерождению, а самообнаружение и раскрытие новых граней, феноменов человеческого бытия, его потенциальных возможностей. Техника должна быть не средством саморазрушения человека, а действенной состав-

ляющей процесса самосозидания, фундаментальным способом экспликации человеком своей сущностной природы. Сейчас много говорят о человеческом измерении феномена техники, имплицитующего не только физический ресурс, но и духовный опыт человечества. Вовлеченный в этот процесс и оказавшийся его субъектом, человек овладевает техникой как необходимыми методами самореализации, ориентированными как вовнутрь, так и вовне человеческого бытия, становящейся квинтэссенцией его мобилизационного ресурса. Такая динамичная искусственная сфера нуждается в непрерывном контролировании. Ибо только осознав схематизм процесса такого рода сделанности, овладев внутренней логикой этой самодостаточной реальности, мы способны избежать тотальной детерминации ею всех сторон человеческого существования.

Так называемая техническая рациональность стала всепоглощающей завоевывающей силой, пронизывающей и регулирующей отношение человека к природе, социальной ткани бытия и к самому себе. Более того, в своем информационном эквиваленте она открывает новые грани и перспективы развития этих взаимоотношений, которые отнюдь не всегда ведут к процветанию человеческого бытия и раскрытию самых потаенных, еще не познанных глубин человеческой природы, но подчас ставят вопрос о смысле пребывания человека в мире, о его предназначении. Экологический кризис, технокатастрофы, опасные изобретения и т. п. не только являются следствиями технической рациональности, но и свидетельствуют о проблематичном, еще не достаточно осознанном в своих фундаментальных основах виде рациональности. Речь идет о «технической» разумности, выдвигающей на первый план человека как нравственное и ответственное лицо, философию вменяемого, поступающего действия. Разумность должна прийти на смену расчетливому, прагматичному действию, тому, что мы обычно вкладываем в узко понимаемое слово «рациональность». В этой связи хотелось бы привести рассуждение Джанни Ваттимо из его книги «Техника и существование». «...Общество, — пишет он, — представляет собой не только некую совокупность, состоящую из физических предметов, но и из субъектов, которые действуют в своих целях. Вопросы “почему?” и “как?”, относящиеся к действию, являются рациональностью действия. Тем не менее действующий субъект может обратить больше внимания на одну или на другую из этих двух составляющих: действие, обращающее внимание скорее на ценность цели, нежели на средства, выделяется как рациональное по отношению к ценности; тщательный подсчет средств является рациональным по отношению к цели. Когда мы говорили о рациональности, мы всегда говорили о причине, т. е. объясняли, почему совершается определенное действие. Однако почему мы избираем какие-то определенные эти-

ческие, политические, эстетические ценности, а не какие-либо другие? Мы можем сказать, что они потребны для осуществления других ценностей; однако последние указанные ценности, которые задают нам движение, никогда не являются в дальнейшем объяснимыми в зависимости от другого; они выбираются в некотором смысле «без причины», не отталкиваясь от подлинного размышления рас­судка. Рациональность средства по отношению к цели является *формальной рациональностью*; та же рациональность, которая ставит в центр ценность, выбранную без последующих оправданий, называется *материальной рациональностью*. Эти положения лежат в основе знаменитого различия, которое делает Вебер между «этикой убеждения» и «этикой ответственности». В последней этике четко просчитываются последствия поступков, а этика убеждения является этикой героев и, кроме того, этикой фанатиков — этикой любого человека, часто поступающего честно, не обращая внимания на последствия того, что он делает. Для него главное — оставаться верным некоторому принципу или достичь определенной цели. Как станет ясно, для Вебера формальная рациональность является подлинным образцом любой рациональности. Стало быть, *рациональность современного общества* является, помимо того и прежде всего, развитием и преобладанием формальной рациональности. Очевидно, это означает в общем устройство промышленного труда, экономический расчет капиталовложений и прибылей и т. д. Однако истоки развития формальной рациональности, прежде всего, не в расчетливом отношении современных наук о природе. Повсеместное навязывание формальной рациональности делает из современного мира некий большой механизм, в котором все обыкновенно служит лишь цели совершенного функционирования целого» [8, с. 87–88].

Ныне должны быть в полной мере осознаны сущность и смысл рациональности как таковой. Но отношение к ней должно строиться исходя из других посылок. В понятии «рациональный» необходимо сочетать познавательное и ценностное измерения, отдавая приоритет нравственным и моральным нормам. Создавая искусственную реальность, так называемую техносферу, которая образует мир человеческого существования с его противоречиями и кризисами, мы утрачиваем меру и гармонию, присущую единой космической целостности. Вот почему важно осознать содержание той свободы-ответственности, на пути которой возможно утверждение гармонии человека с миром и самим собой. Это путь образуется топологией смыслов, являющихся результатом разумного ответственного действия человека по конституированию своей «второй природы». И техника должна стать органом собирания и утверждения такого рода

«ноосферы». Подобная конструктивность обеспечит технологическое преобразование мира как действительности человеческого бытия в контролируемую и управляемую целостность, способную объединить все человечество и ведущую к новому пониманию человека.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аристотель. *Физика*. Сочинения: в 4-х т. Т. 3. Москва, Мысль, 1981, с. 82–83.
- [2] Хайдеггер М. Вопрос о технике. *Время и бытие: статьи и выступления*. Москва, Республика, 1993, с. 221.
- [3] *Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2000, с. 68.
- [4] Игнатъева И.Ф. *Антропология техники*. Екатеринбург, 1992, с. 37.
- [5] Heidegger M. *Zur Sache des Denkens*. Tübingen, 1969, s. 61–80.
- [6] Торубарова Т.В. *Метафизика антропоцентрической свободы (от Декарта к Канту)*. Курск, 1994, с. 82.
- [7] Погоняйло А.Г. *Философия заводной игрушки, или Апология механицизма*. Санкт-Петербург, Издательство С.-Петербургского университета, 1998, с. 36–37.
- [8] Джанни Ваттимо. *Техника и существование*. Москва, «Канон + РООИ «Реабилитация», 2013, с. 87–88.

Статья поступила в редакцию 24.04.2015

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Торубарова Т.В., Петенин А.П. Техника как феномен действительности человеческого бытия. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 8.

URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/279.html>

Торубарова Татьяна Викторовна — д-р филос. наук, профессор кафедры философии МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: ttorubarova@rambler.ru

Петенин Александр Павлович — студент кафедры «Информационная безопасность» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: solmayers@yandex.ru

Technique as a phenomenon of reality of human being

© T.V. Torubarova, A.P. Petenin

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article deals with technology as a constitutive principle of the reality of human existence. It reviews its key determinants. The authors describe topology of technology, they look at the problem of technical rationality. They show destructive and constructive features of the human race and technology interaction.

Keywords: *technology, technosphere, instrumentality, artifact, rationality, responsibility, mechanism, ethics, harmony, creativity.*

REFERENCES

- [1] *Ἀριστοτέλης. “Φυσικὴ ἀκρόασις”* (Aristotle. “The Physics” – “The Physics or Physical Auscultation”). [In Russian: Aristotel. Fizika. Sochineniya v 4 tomakh. Tom 3. (Works in 4 vols, vol. 3). Moscow, Mysl Publ., pp. 82–83].
- [2] Heidegger M. Die Frage nach der Technik. In: *Sein und Zeit, Gesamtausgabe*. [In Russian: Heidegger M. Vopros o Tekhnike. In: Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya, Moscow, Respublika Publ., 1993, p. 221].
- [3] *Perspektivy metafiziki: klassicheskaya i neklassicheskaya metafizika na rubezhe vekov* [Perspectives of metaphysics: classical and non-classical metaphysics at the turn of the century]. Saint-Petersburg, Aleteya Publ., 2000, p. 68.
- [4] Ignat'eva I.F. *Antropologiya Tekhniki* [Anthropology of Technology]. Yekaterinburg, 1992, p. 37.
- [5] Heidegger M. *Zur Sache des Denkens*. Tubingen, 1969, s. 61–80.
- [6] Torubarova T.V. *Metafizika antropocentricheskoi svobody (ot Dekarta k Kantu)* [Anthropocentric Metaphysics of Freedom (from Descartes to Kant)]. Kursk, 1994, p. 82.
- [7] Pogonyailo A.G. *Filosofiya zavodskoi igrushki, ili Apologiya mekhanitsizma* [Philosophy of a Mechanical Toy or Apology of Mechanisizm]. Saint-Petersburg, St.-Petersburg University Publ., 1998, pp. 36–37.
- [8] Vattimo G. *Tecnica ed esistenza. Una mappa filosofica del Novecento* [In Russian: Vattimo Dzh. Tekhnika i suschestvovanie. Moscow, KanonROOI “Reabilitatsiya” Publ., 2013, pp. 87–88].

Torubarova T.V., Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of Philosophy at Bauman Moscow State Technical University. e-mail: ttorubarova@rambler.ru

Petenin A.P., a student of the Department of Information Security at Bauman Moscow State Technical University. e-mail: solmayers@yandex.ru